

18+

И.А. КУКЛИН

РАССКАЗЫ ХИРУРГА

КАК Я
ИЗЛЕЖУ
ВЫЖИВУ

The title is written in large, bold, red block letters. A thick blue ribbon-like graphic curves around the text. Two blue arrows point towards a small black dot located between the words 'ИЗЛЕЖУ' and 'ВЫЖИВУ'.

Игорь Куклин

Как я из себя выходил

«Издательские решения»

Куклин И. А.

Как я из себя выходил / И. А. Куклин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559616-1

Во второй книге автор продолжает знакомить читателя с короткими жизненными историями. О городах и людях, о студенческой поре, о важном выборе, о малой родине, от одного воспоминания о которой тепло становится на душе, и... немного фантастики.

ISBN 978-5-00-559616-1

© Куклин И. А.
© Издательские решения

Содержание

Куклин	6
Мои рассказы	7
КЛЮЧИ. УРОК ИЗ ДЕТСТВА	8
РЕСУРСЫ ОРГАНИЗМА	10
РУКИ ХИРУРГА	12
ПРО «НЕНОРМАЛЬНОСТЬ» МЕДИКОВ	15
ВЕЗУНЧИК	16
ГОЛОД НЕ ТЁТКА	17
ПРИЧАСТНОСТЬ	19
МУХА	21
РАССКАЗ БАБУШКИ	22
ИНОПЛАНЕТЯНИН	23
СПОКОЙНОЕ ДЕЖУРСТВО	24
ОПЕРАЦИЯ ОТЧАЯНИЯ	25
Лыжный сезон открыт	27
НОВЫЙ ГОД	28
О НАБОЛЕВШЕМ	30
ПО ЯГОДУ	32
ГОРОДА МОЕЙ ЖИЗНИ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Как я из себя выходил

Игорь Александрович Куклин

Редактор Софья Наумовна Бараховская

Дизайнер обложки Кирилл Александрович Фалеев

© Игорь Александрович Куклин, 2022

© Кирилл Александрович Фалеев, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0055-9616-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем моим детям
с именами на "А"
посвящается

**Куклин
Игорь Александрович**

**КАК Я ИЗ СЕБЯ
ВЫХОДИЛ
РАССКАЗЫ ХИРУРГА**

*Куклин И. А. Как я из себя выходил. Рассказы хирурга. – Иркутск:
ИНЦХТ, 2021. – 170 с., электронная версия*

Во второй книге автор продолжает знакомить читателя с короткими жизненными историями. О городах и людях, о студенческой поре, о важном выборе, о малой родине, от одного воспоминания о которой тепло становится на душе, и... немного фантастики.

Мои рассказы

Друзья, перед вами вторая книга моих рассказов. Как говорится – понесли ботинки Митю. Я думал, что как это пришло, так и уйдёт. Но после выпуска первой книги рассказы продолжали писаться. Писались и просились на бумагу. Получилась ещё одна книга, и она перед вами. Будет ли третья книга? Не знаю. Не уверен. На всё Божья воля. Я никогда и не думал, что буду что-то писать, и это кому-то будет интересно. И именно ваш интерес к моим публикациям, дорогие мои подписчики и друзья по Фейсбуку и Инстаграму, послужил моторчиком для написания этой книги. Спасибо! А теперь читайте, думайте, спорьте, не соглашайтесь, находите что-то своё... Удачи вам, мои дорогие, и здоровья!

Художник, иллюстрировавший первую книгу, в армию ушёл на службу срочную, поэтому рисунки (здесь ироническая усмешка) для этой книги рисовал я сам

КЛЮЧИ. УРОК ИЗ ДЕТСТВА

Ключи... От дома, квартиры, ящика стола, гаража, машины, сейфа. Наверное, каждый знаком с ситуациями, возникающими сразу после того как они потеряны, забыты, заперты. Все дела, как правило, отменяются. Появляются внезапные проблемы, их много и поначалу они кажутся неразрешимыми. Как открыть дверь? А после того как она вскрыта и раскурочена, – как её теперь замыкать? Как восстанавливать то, что разломано? То есть потеря маленьких железячек приводит к большим проблемам. Прививку от этих проблем я получил ещё в детстве.

...Мне лет девять-десять. Мы с родителями собираемся идти в гости. С отцом стоим на крыльце, ждём маму. Я кручу на пальце ключи от двери дома. Кольцо большое, крутится легко. «Перестань, – говорит отец, – потеряешь». – «Да ну, – думается мне, – вряд ли...» Выходит мама, ключи срываются с пальца и, весело звякнув, исчезают между забором и поленницей. «Так, – сдвигает брови отец, – иди в дом, переоденься. Мы пошли, а ты ищи». И удерживает за руку маму, которая пытается вернуться в дом. Запасные ключи наверняка где-то в доме лежали.

Я поначалу хотел схитрить. Залез на поленницу сверху и осветил фонариком, приготовив крючок из проволоочки. Что-то блестело далеко и невнятно. Потом пытался разобрать малую часть дров. Но закончилось всё полноценными поисками с разбором большей части поленницы. Ключи я нашёл и на всю жизнь понял ценность этих железок.

...С той поры я не потерял ни одного ключа и точно знаю, где и какие мои ключи находятся. Комплект запасных ключей на всякий случай тоже имеется.

РЕСУРСЫ ОРГАНИЗМА

Они удивительны! Человек – такое существо, приспособится к чему угодно. Ну, если захочет.

...Как-то ко мне на приём пришел относительно молодой человек. Он в ДТП получил травму дельтовидной области. Рана, потом нагноение. Пересаженная кожа лежит на кости, нет дельтовидной мышцы. А она нужна для того, чтобы руку от туловища в сторону отводить. Прошу его пошевелить рукой так, как он сможет. А он полностью поднимает руку вертикально вверх! Как? Какими мышцами? Я бы сам этому не поверил, если бы не видел. У меня и видео есть...

...У кума моей тёщи не было правой руки выше локтя. Травма на пилораме уже в зрелом возрасте. А тёще надо забор поменять. И она зовёт мне на помощь кума. Это потом стало непонятно, кто кому помогал. А вначале я засомневался в помощнике. Но тёща убедила, сказав, что кум вдвоём с сыном недавно новую баню построили. Приехал он на мотоцикле с коробом вместо люльки. Рыжий, жилистый. На культе правой руки самодельный протез с квадратным гнездом на торце. Достал из короба крюк, вставил его в протез и пошёл смотреть фронт работ. А там – ямы копать, столбы менять, прожилыны прибивать, доски пилить и ими забор зашивать (так говорится, а на самом деле – доски к прожилынам гвоздями прибивать). Поплевал он на левую ладонь, вытер её о штаны, взял лопату и положил на крюк. Ага, понятно про копание. А ещё пиление и гвоздезабивание. Я попытался помочь, но кум разозлился и отправил меня свою работу делать. Работу-то делаю, но поглядываю, как однорукый приспособился. А у него всё просто и понятно. На доску ногой наступил, левой рукой отпилил. Гвоздь в ладонь взял, с размаху его в нужное место доски воткнул и молотком забил. Быстрее, чем у меня, двурукого, получается. Меня любопытство разбирает, как он на мотоцикле поедет. Правой рукой ручку газа крутить ведь надо.

Работа закончилась. Чай попили. Подходит кум к мотоциклу, вынимает крюк из гнезда и кидает его в короб. А в освободившееся гнездо в протезе вставляет штырёк, приваренный под прямым углом к ручке газа. Лихо разворачивается и укатывает вдоль по улице, только пыль столбом...

...Как-то коллега попросил меня посмотреть знакомого его знакомого. Протез стал натирать. Когда человек пришёл на приём, я растерялся. Какой протез? У него их четыре. Нет ни стоп, ни кистей. Когда-то девушку провожал в район города, глухой и отдалённый. Когда обратно шёл, получил по голове, шапку отобрали. Прележал в снегу несколько часов. Нашли, спасли, но руки-ноги отморозил до ампутации. После долгой реабилитации парень окончил вуз, женился на той девчонке и работает в престижной фирме ведущим программистом. Растёт дочка.

А сейчас избыток мягких тканей на культе голени подворачивается в гильзе протеза и натирается. Операция на час-полтора. Любопытные коллеги видели, как уехал он после консультации на маленьком мерседесике с ручным управлением.

В день операции он снял протезы. Приковылял в кабинет на коленях. Отфотались, разместились. А как ему ручку дать? Подписывать бумаги надо. Он увидел моё смущение и уковылял в палату, вернулся с резинкой на предплечье, за которую вставлена ручка. Лихо подписал всё, что нужно. Вот только уходил он после операции из отделения на спине жены. Она донесла его до автомобиля...

С тех пор я иногда рассказываю об этих людях тем моим пациентам, для которых трагедия – негнушаяся ногтевая фаланга у мизинца.

РУКИ ХИРУРГА

Авиценне приписываются слова, что у врача должно быть сердце льва, глаза орла, а руки женщины... На первый взгляд, руки как руки, как у всех... Но это не так. Есть у них свои особенности.

Одна из них – это тонкая и ранимая кожа, которая легко повреждается или занозится о шершавую поверхность. Перед каждой операцией руки обрабатываются специальными растворами, а потом всю операцию находятся в резиновых перчатках. Раньше эти растворы были достаточно агрессивными – нашатырный спирт в двух тазах, затем дубление 96%-м этиловым спиртом и ещё обработка ногтей йодом. Или смесь из муравьиной кислоты и пергидроля (30%-й перекиси водорода). Помоешься такой смесью за дежурство раз пять, и сухая красная кожа на руках обеспечена. Вы видели когда-нибудь сморщенную кожу у бабушек на тыле кистей? Так вот, у моей тётки, хирурга с немислимим стажем, такая кожа была до локтей. То есть до того уровня, до которого обрабатывают руки хирурги. Теперь антисептики не такие агрессивные, но от их постоянного употребления, а возможно, и от постоянной стрессовой нагрузки, кожа рук хирургов способна реагировать даже нейродермитами, дерматитами и экземами. А это уже очень серьёзно, можно работу потерять. Поэтому хирурги или меняют растворы, или пользуются кремами и мазями после операций. Я одно время даже пользовался жидкими перчатками. Наносишь жидкость тонким слоем, ждёшь пока подсохнет, потом сверху надеваешь обычные резиновые. Снимаются жидкие перчатки только с помощью специального раствора, через боль, особенно с волос...

Другая особенность – особая гибкость и чувствительность пальцев. Предлагаю эксперимент. Надеваете печатки (благо, их сейчас в ковидные времена в каждой семье достаточно), затем берёте кусочек нитки и смачиваете в воде или, что ближе к реалиям, в растительном масле. На столе уже лежит какой-нибудь столовый прибор, вилка или ложка. А теперь завязы-

ваете нитку вокруг черенка вилки или ложки в узком месте. Столовый прибор не должен подниматься, нитка не должна болтаться. Если получилось с десятого раза, то в вас сидит рукастый хирург.

Как-то в ординатуре я ассистировал при удалении большой забрюшинной опухоли Евгению Абрамовичу Паку. Он это делал виртуозно и бескровно, кончиками пальцев ощущая малейшую пульсацию сосудов и перевязывая их, не глядя, в глубине раны. Потом, в конце операции, вдруг встревоженно спросил у нас с первым ассистентом: «Ой, а это что?» Мы щупали по очереди и предполагали: «Ещё одна опухоль? Неужто метастаз?» А он улыбнулся хитренько: «Это я там салфетку для гемостаза оставил». Мы слегка покраснели...

На операции хирург на ощупь может определить: метастатический лимфоузел или нет. Отделить только пальцем, глядя куда-то в сторону, по плотности, доброкачественную опухоль от здоровой ткани молочной железы. Как-то в гостях мой ребёнок забрался ко мне на колени и попросил почистить для него куриное яйцо. Через какое-то время я понимаю, что все сидящие за столом смотрят, как я это делаю. Ничего особенного, на мой взгляд, не происходило. Я правой рукой держал ребёнка, а левой на весу одновременно удерживал и очищал яйцо от скорлупы.

Наш Учитель – Евгений Георгиевич Григорьев – на одной из лекций говорил, что при рождении Бог целует хирургов в руки. Потом, отвернувшись, ворчал: «Ну, хоть бы иногда в голову...» Когда я был в Корее и Японии в компании с нашими медиками, то перейти на палочки для еды хирургам никакого труда не составляло, терапевты же чаще просили вилки.

Яркое впечатление оставила хирургическая техника Сергея Павловича Чикотеева. Руки его порхали ako птицы. Но обучал он жёстко. Мог и по рукам инструментом ударить. Как-то спросил меня во время операции: «Спишь?» – «Любуюсь», – ответил я честно. Иглодержатель остановился в нескольких сантиметрах от моей руки...

Как-то моя новая знакомая, глядя на рубцы на моих руках, полученные ещё в детстве по разным причинам, спросила: «Это всё от операций?» Меня невольно хохотнуло. Это ж как оперировать-то надо? Вспомнился Высоцкий: «Он резал вдоль и поперёк и говорил: «Держись, браток!»...»

Да, случаются проколы пальцев иглами. Ну, снял перчатку, выдавил кровь из пальца, обработал спиртом, надел новую перчатку – и дальше оперировать, время-то идёт... Однажды меня попросили выйти из отпуска и сделать одномоментно удаление и реконструкцию молочной железы родственнице высокопоставленного фармацевта. Хорошего человека, надо сказать. Родственница, гепатитом переболевшая. И во время операции я прокололся. А это большой риск самому гепатит подхватить. Третий гепатит для моей печени был бы чреват серьёзными последствиями. Первый я перенёс в детстве. Второй – на врачебной практике. С бабушкой-заразительницей в одном отделении потом лежал. Так фармацевт сама вечером мне домой иммуноглобулин, дефицитный в то время, привезла. Для уменьшения вероятности заражения гепатитом. И вот сижу я один на один с набранным шприцем. В традиционное место ставить неудобно, придётся в переднюю поверхность бедра. Жалко себя и страшно! А что делать? Минут пять сидел. Потом размахнулся и от отчаяния всадил шприц себе в ногу. Два дня хро- мал...

Ещё эти руки память имеют. Да, да. Отдельную от головы. Делаеть, казалось бы, давно забытую операцию, голова не помнит, а руками получается. Ещё ярко эта память проявляется, когда тебя кто-нибудь во время операции внезапно спросит: «А почему именно так вы делаете?» Тут нужно время, чтобы головой вспомнить, почему руки так сделали.

Суеверий у врачей много. Это отдельного рассказа достойно. Но что касается рук, то это ритуал надевания перчаток. Мною замечено, что хирурги вначале надевают правую, затем левую, а травматологи наоборот. И операционные сёстры, которые и халаты, и перчатки врачам надевают, не ропщут, а спокойно меняют правые на левые, левые на правые, если сразу вдруг не угадают. Суеверия уважаются.

Руки руками, но инструменты – их основное продолжение. Большое многообразие разработано для каждой хирургической специальности и для каждой операции. Например, у травматологов много инструментов, похожих на столярные и слесарные: молотки, остеотомы (стамески), дрели, пилы, пластины, шурупы... Но и объекты их операций очень плотные – кости, суставы, связки... А сопоставить перелом так, чтобы на рентгеновском снимке оставалась только тонкая полоска, тоже уметь надо. «Самосвал триста тысяч кило мне скелет раздробил на кусочки». Это тоже Высоцкий. Более изящные инструменты у микрохирургов. Пинцеты, больше похожие на две иголки. Мининожницы, маленькие иглы и нити, тоньше волоса. Объекты соответствующие – кровеносные сосуды диаметром от одного до трёх миллиметров, нервы с их пучками, лимфатические сосуды... Сколько нежных микроинструментов погибло просто после падения на кончики. Удивительная техника у нейрохирургов, сначала они травматологи, потом микрохирурги. Инструменты у них и такие, и такие... А детские хирурги? Техника детских хирургов более тонкая и нежная. Их пациенты – дети. Это ко многому обязывает. Юрий Андреевич Козлов своими руками может полностью закрыть новорождённого пациента. Но у этих рук есть продолжение – изящные эндоскопические инструменты, которыми он чудеса творит!

Надо сказать, что мануальные (ручные) навыки не у всех медиков одинаковые. Здесь есть что-то врождённое, а что-то приобретённое. Рукастых спецов оказалось не очень много. Знаю нескольких со сложными характерами, но их терпят, с ними считаются, их рекомендуют, у них оперируются. Потому что в руки Богом поцелованные!

Способный ученик – редкость. Чтобы ему один раз показать, и он сразу бы повторил. Для меня самое большое разочарование в последнее время, если такой ученик, которому оставалось-то пару видов операций показать, уволился и вообще ушёл из медицины из-за финансовых проблем в семье. В душе в-о-о-т такая дыра! Берегите рукастых. Если их не будет, останутся только проверяющие и контролирующие.

ПРО «НЕНОРМАЛЬНОСТЬ» МЕДИКОВ

Во время учёбы я подрабатывал санитаром в отделении реанимации. Тогда в палате интенсивной терапии лежали все подряд, кто в этом нуждался. Одно время бичом была стафилококковая деструкция лёгких у детей. И вот такой ребёнок нескольких месяцев от роду лежал в нашей палате. Всё бы ничего, дитё стабильное, лечим. Только вот писать он никак не хотел. В эту смену дежурила старшая медсестра, очень опытная и очень строгая, её все немного побаивались. И вот сидит она на краю кровати у детёныша, готовится катетером мочу выводить, но чего-то медлит, крутит катетер в руках задумчиво. И тут ребёнок выгибается и выдает струйку прямо ей на грудь! А она даже не отодвинулась, улыбается: «Ой, ты мой хороший!» Первый раз я видел счастливым человека, которого только что обмочили.

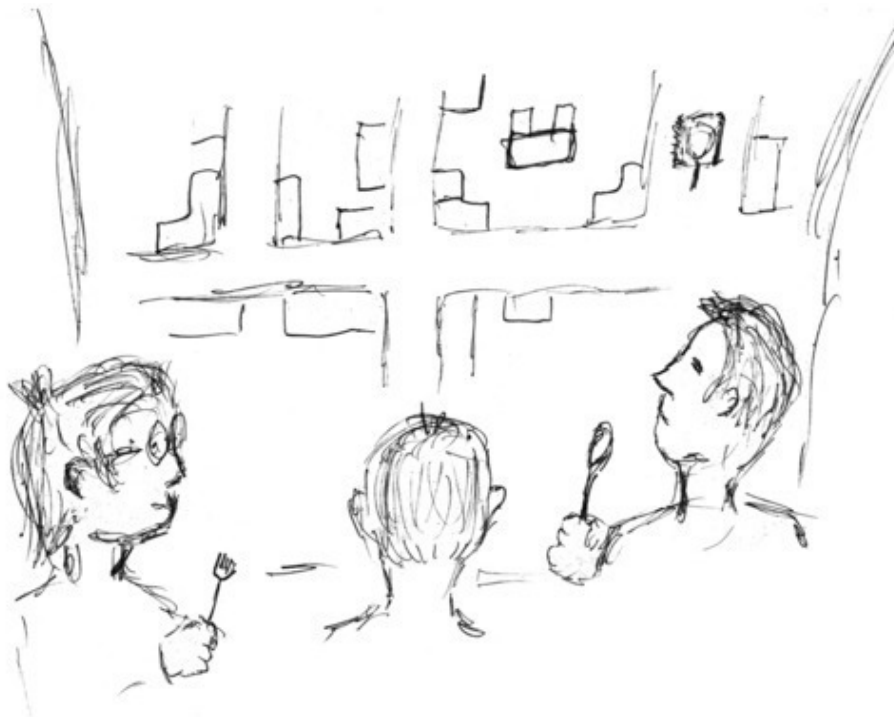
ВЕЗУНЧИК

Небольшая речушка плавно текла по маленьким плёсам под густыми кустами, весело перекачивалась по камешкам на перекатах. Но не веселило это седого старателя. Его бригада – он, племяш и давний приятель – несколько часов промывала лотками речной песок. Солнце уже перевалило за полдень и жарило не по-сибирски, но ноги мёрзли в резиновых сапогах в студёной воде – начало речка брала в горах, и вода в ней не нагревалась даже в жару. Поясницу ломило. Ещё пауты покоя не давали, жалили сквозь мокрую от пота рубаху. Несмотря на все старания, золота сегодня намыли совсем немного. Пора бы и перерыв сделать, чаю сварить, но что-то заставляло его зачерпывать в лоток речной песок снова и снова...

«Здорова, мужики!» Оглянулся на голос. На берегу стояли двое местных, волосы нечёсанные, сами небритые, один светлый, другой потемнее, возраста непонятного. Рудник, который при Союзе исправно добывал в шахтах золото, давно закрыт и развалился. Местные, кто разъехался, кто спился. Вот и эти явно с бодуна. «Можно тоже попробовать? Есть ещё лоток какой-нибудь?» В другой день может и шумнул бы гостей непрошенных, а сегодня, то ли от усталости, то ли от чего ещё (глаза у спрашивающего были такими же голубыми и ясными, как у сына, которого давно не видел), неожиданно для себя буркнул: «Привет. Вон, возьми в кустах. Только он сломанный чуток». Тот, который посветлее, нырнул в кусты, вытащил лоток и босиком залез в воду ниже по течению. «Что он там намочит? – подумалось. – Муть сплошная... Да и вода студёная». Чернявый на берегу сел на корточки, закурил. Ясноглазый сопел, старался. Через полчаса, когда мысли ушли уже куда-то далеко, в город, к сыну, и о пришедших уже забылось, новенький с шумом откинул лоток и окликнул чернявого: «Кольча, нам такого похмелиться хватит?» И самородок размером с ноготь большого пальца показывает. Тот встал, головой кивнул: «Хватит. Пошли». – «Ну, спасибо, мужики! Бывайте». Седой старатель аж плюнул с досады: «За полдня втроём песка чуток. А этот за полчаса самородок! Видно, в детстве говно горстями ел». И крикнул своим: «Всё! Завязывай! Пошли чаёвничать...»

ГОЛОД НЕ ТЁТКА

Именно он погнал нас по вечерней Чите в поисках чего-нибудь поесть. Было уже тепло, и те продукты, которые оставались в сетках за окнами на «чёрный день», были безнадежно испорчены. Мы выбежали из общежития мединститута за несколько минут до закрытия магазинов. Мы – это я и два моих однокурсника, Олег и Сеня. Мы с Олегом примерно одной комплекции, а Сеня и повыше, и покрепче. На троих у нас была трешка (три рубля) от моей стипендии. Мы носились по Ленинградской от магазина к магазину, и они закрывались буквально перед нашими носами. Не сговариваясь, мы направили свои голодные, молодые, растущие организмы на железнодорожный вокзал, там всегда работало круглосуточное кафе.

Нет, были ещё варианты поужинать. Например, я мог пойти в комнату к двоюродной сестре, которая училась курсом старше, и чего-нибудь отремонтировать. Поесть у девчонок всегда бы нашлось. Но втроём туда не пойдёшь. А ещё оставались голодающие соседи по комнатам в общежитии...

Мы прошли мимо ресторана «Забайкалье». Чуть бы пораньше, и можно было завернуть в «стоячку» – это кафе на первом этаже, с высокими столиками и без стульев, поэтому там ели только стоя (отсюда и название). С этим кафе у меня связана странная история. Как-то в подобной ситуации, голодный и с последним рублём в кармане, я зашёл туда. Кафе было не самым дешёвым, до стипендии оставалось около недели, но кушать уж очень хотелось. И я решил проесть эти деньги, а дальше будь что будет! Набрал на поднос еды и подошёл к кассе. Там сидела крупная дама, как сейчас помню, с большой причёской из мелких кудряшек и томным взглядом. Она взяла мой рубль и почему-то положила вместо него десятку. Я недоуменно молчал... Потом она очнулась, взяла десятку и рассчитала меня, дав сдачи. Было стыдно, но я сдачу взял и унёс поднос на самый дальний столик. Что это было – благотворительность бледному студенту или рассеянность, – до сих пор не знаю, но до стипендии я дожил.

Бодро дошагав до вокзала, завернули в знакомый угол и разочарованно остановились возле закрытого кафе, где два маляра лихо красили над ним потолок. Теперь оставался только хлебный киоск на перроне. Там купили по булке свежего, ещё горячего хлеба. С голодухи умяли сколько вошло, а пить тут не продавали. Студенческая мысль работала чётко: запрыгнули в троллейбус, мелочь у нас уже от сдачи была, и доехали до ближайших автоматов с газированной водой на улице Ленина. Мы наслаждались, отщипывая по кусочку от свежих булок и запивая их водой. Пили воду с сиропом за три копейки, без сиропа – за копейку. Было тепло и в животах уже не урчало. В кустах над нами пели птицы...

Когда мы, не спеша, пешком возвратились в общежитие, у нас с Олегом оставалось ещё по полбулки, а у Сени остаток хлеба поместился в горсти. Обрадовавшиеся соседи пожарили на прогорклом сале изумительные гренки.

ПРИЧАСТНОСТЬ

Ранняя весна. Чита. Железнодорожная больница. Я студент второго курса мединститута и санитар ИТАР (это отделение интенсивной терапии, анестезиологии и реанимации). Дежурство спокойное, воскресенье. В палате работают медбрат, тоже студент, только шестого курса, и тётя Катя – опытная, ворчливая медсестра. Лежат четверо пациентов, из них двое после плановых операций, они оставлены до понедельника под наблюдением. Третий – висельник, поступил в предыдущую смену. «Верёвочка оборвалась, – поджав губы, пояснила тётя Катя, – такой бугай в петельку из бельевой верёвки полез». Ну да, мужик здоровый, килограммов под сто пятьдесят. За то короткое время, пока он в петле был, с мозгом что-то успело произойти. Глаза безумные, орёт так, что, наверное, на улице слышно. Кроме странгуляционной борозды от петли на шее, такие же борозды у него уже на руках, ногах и поперёк груди, в местах его фиксации к кровати. Мы всей сменой боимся: если он оторвётся, что с ним делать будем? Тётя Катя впрыскивает что-то из шприца в его капельницу, оглядывается и подмигивает мне. Через некоторое время бугай успокоился, но стал храпеть почти так же громко, как кричал. Медсестра брезгливо, но как-то ловко, мимоходом, ставит ему воздуховод. Храп прекращается. Четвертый пациент – «самовар» – нестарый ещё мужик с ампутированными на разных уровнях руками и ногами. Диагноз его – облитерирующий эндартериит, то есть заболевание сосудов. У нас он лежит после очередной ампутации. И уже несколько раз у меня жестами просил покурить, прижимая единственный палец к губам. Курение играет не последнюю роль в развитии этой болезни. Я в который раз терпеливо повторяю, что курить ему нельзя, я не курю, и никто в нашей смене тоже не курит.

...Как-то раз я оказался в компании, где было несколько компьютерщиков. Они настолько увлеклись своей специфической темой, что я предложил им рассказать об этиологии и патогенезе облитерирующего эндартериита. Помогло. После этого разговор перешёл в общепонятное русло. Но это так – к слову...

Во второй половине дня в палату зашёл дежурный хирург. Он о чём-то коротко поговорил с анестезиологом. Анестезиолог что-то сказала дежурному медбрату. По их сосредоточенным лицам было понятно, что произошло нечто серьёзное. Мы с тётёй Катей остались в палате вдвоём, остальные ушли в операционную. Но напряжение не исчезло. Через некоторое время заглядывает анестезиолог, ищет глазами меня: «Кровь нужна, третья положительная». – «Сколько?» – «Неси всю». Мне всё понятно, не в первый раз. Переобуваюсь, накидываю тёплый коричневый халат. Жёлтая пилотка остаётся на голове. Это символ принадлежности к элитному отделению и моя гордость. Быстро сбегаю по запасной лестнице до первого этажа. Дверь за мной захлопывается, и уже на улице понимаю, что ключ от неё я не взял. Не беда. Обрато вернусь через приёмный покой. Добегаю до отделения переливания крови, это отдельное здание во дворе. Захожу внутрь. Быстро к холодильнику. Там нужной эритроцитарной массы всего два гемакона (это пластиковые контейнеры с этикетками). Записываю их данные в журнал. Сую за пазуху и бегом обратно.

В приёмном покое дорогу мне перегородило громадное тело, выше меня головы на две. «Стой, братан!» С соответствующей интонацией и распальцовочкой. Моя реакция молниеносная: «Уйди! Я кровь несую!» И оба гемакона ему под нос сую. С некоторым удовольствием отмечаю округлившиеся глаза, бледное лицо и уходящее куда-то вправо и вниз тело. Досматривать нет времени, я перепрыгиваю через его ноги и бегу к операционной. На мой топот вышла анестезиолог, молча взяла кровь и закрыла дверь.

Спасли. У мужика было ножевое ранение живота с повреждением крупных сосудов. Потом его в палате долечивали. Я тоже доволен, поскольку причастен. Пусть и самую малость.

МУХА

Муха в операционной – это нонсенс! Это катастрофа! Угроза стерильности и авторитету старшей операционной сестры. Поэтому она (старшая операционная) выдавала премию каждому, изловившему муху. Но вначале придирчиво изучала её, глядя поверх очков, не сухая ли, не из дому ли принесённая. Потом наливала пятьдесят граммов спирта. Вот и мне как-то повезло: поймал в предоперационной породистую, крупную, с сине-зелёным отливом. Положил её в салфетку и понёс старшей сестре. А она оказалась занятой на операции. «Ладно, – думаю, – покажу после». И положил насекомое прямо в салфетке в нагрудный карман операционного костюма. Сажу себе потихоньку, делаю операцию. А это тварь, по-другому не назовёшь, пришла в себя и воздуха ей, видите ли, захотелось. Выползла из кармана и дальше на мою макушку села отдышаться. Я-то этого не вижу. Но это увидел анестезиолог, обрадовался. На все мои угрозы, просьбы и мольбы положить её на место, не отреагировал. Отнёс, хихикая, старшей сестре и получил мою премию!

РАССКАЗ БАБУШКИ

«Баба, я с ребятами быстренько до клуба сбегаю? Там строители какие-то могилы отрыли...» Клуб, бывшую церковь, переделывают в телефонную станцию, там ведутся какие-то работы, и экскаватор наткнулся на старые захоронения. Слух об этом быстро разнёсся по селу.

«Нет. Останешься дома!» Я первый раз вижу бабушку такой. Глаза серьёзные, рот сжат. И это моя бабуля, добрее которой нет на белом свете? Даже тогда, когда я года два назад баловался, кидая дрова из кучи в поленницу, а бабушка носила их охачками, и попал нечаянно ей по голове, её глаза не были такими, они были, скорее, печальными, а сейчас – непреклонные. В тот раз отец, встряхнув как кутёнка, впервые в жизни поставил меня в угол.

«Почему, баб?» И тогда она рассказала мне вот такую историю.

...Умерла как-то молодая поповна. Погоревали, отпели, да и похоронили её рядом с церковью на погосте, одев по нарядному и богатому, недалеко от того места, где сами жили. Как раз там, где сейчас всё раскопали. Так вот, на богатое одеяние и позарились лихие люди. Раскопали свежую могилу ночью. Сняли крышку с гроба, а поповна возьми да и сядь в гробуто. Людишки поразбежались, а поповна место узнала и домой пришла. Постучалась. Попадья, её мать, спрашивает: «Кто?» – «Это я, мама». О чём они всю ночь говорили, никто не знает, только утром люди нашли замёрзшую до смерти поповну на крыльце по одну сторону запертой двери и совсем седую, умом тронувшуюся мать – по другую...

Я просил бабушку рассказать ещё что-нибудь, но она только улыбалась, задумчиво глядя в сторону, да прижимала меня к себе покрепче...

ИНОПЛАНЕТЯНИН

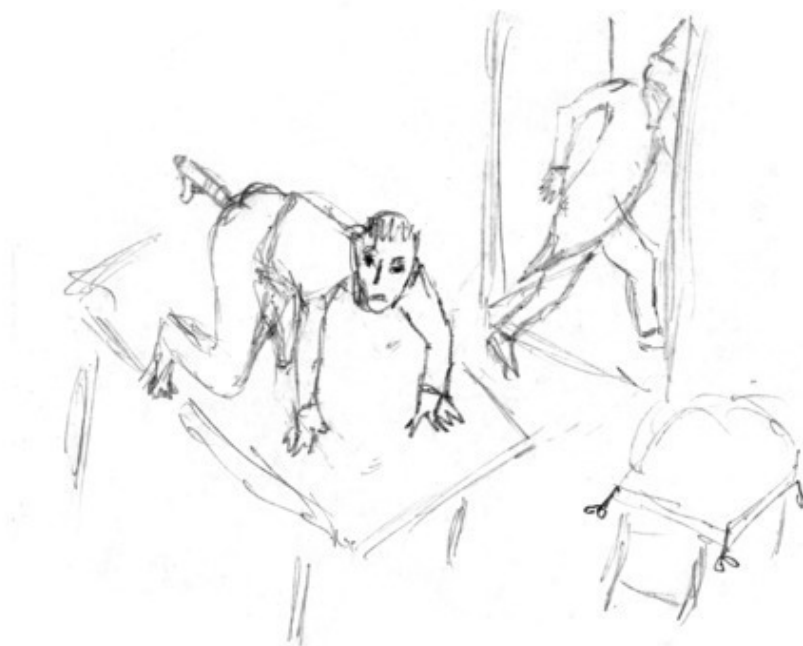

Возле нашего дома было сельпо, у сельпо была сторожка, у сторожки были сторожа. По разным надобностям и мы, малые, там бывали, чаще с взрослыми. В сторожке всегда пахло как-то по-особенному. Позже этот запах, один в один, я почувствовал в зимовье, когда мы уходили из него и заливали водой непогасшие угли в печи. Теперь я полагаю, что этот запах сторожке придавала необходимость залить угли перед тем, как сторожу лечь спать. Но я не про запах... Одним из сторожей была, как нам тогда казалось, сердитая бабка с редкими зубами, колючим взглядом и противным прокуренным голосом. На дежурство она приходила не одна, а тащила через дорогу (жила напротив) перекинутое через плечо нечто тяжёлое, завёрнутое в покрывало. На мои расспросы мама ответила, что это сын её, но он того... Я ничего не понял, пока не увидел его сам.

Как-то во время дежурства этой женщины мы с отцом для чего-то зашли в сторожку. Он лежал, отвернувшись к стене, густые вьющиеся тёмные волосы были короткими, а всё остальное у него было длинное – лицо, нос, пальцы, которыми Он водил по стене. А ещё у Него была синяя, вернее, бледно-голубая кожа, даже высунутая из-под одеяла длинная стопа была голубой. Я не мог отвести взгляда. И вдруг Он загукал, как малолетний ребёнок. Женщина тут же оказалась рядом с ним, и куда девалась противность из её голоса, куда девались резкие сердитые движения? Она кормила Его ложечкой из кружки, что-то выливалось у Него изо рта, она заботливо вытирала голубой подбородок и синие губы тряпкой. А Он бездумно водил глазами по ней, по нам, по потолку. Я невольно взял отца за руку...

Как-то утром улицу разбудил нечеловеческий крик, вой и причитания. Отец сходил за калитку и, вернувшись, вздохнул: «Отмучилась...» В гробу Он лежал такой же, длинный, голубой, неземной, только глаза были закрыты.

СПОКОЙНОЕ ДЕЖУРСТВО

Был не дежурный для клиники день, поэтому дежурство обещало быть спокойным. С утра поступил пациент с кишечным кровотечением, и дежурный хирург взял его в манипуляционную на обследование. Ректороманоскопию проводил. Поставил мужика в коленно-локтевую позу, ввёл в задний проход металлическую трубку и методично искал источник кровотечения. Как вдруг вбегает дежурная медсестра: «Доктор! В приёмнике ранение сердца!» Хирург в три секунды со второго этажа на первый. Торакотомия на каталке, палец в рану сердца, транспортировка в операционную. Там реинфузия крови, стабилизация состояния, шов раны сердца... И где-то уже часа через два, потягивая кофе после хорошей работы, хирург вдруг вспоминает – мужик-то в манипуляционной! Бегом туда, перед дверью перевёл дух. Не спеша зашёл. Стоит мужик в той же позе, с той же трубкой, в том же месте: «Доктор, скоро?» Похлопал его по спине: «Ну, вот ещё пару минут... и вытащу». Гемостатический эффект на ректороманоскопе хороший получился. Из кишечника больше не кровило.

ОПЕРАЦИЯ ОТЧАЯНИЯ

Их было двое. Закон парных случаев. Пациенток с редким, но тревожным осложнением – остеомиелитом грудины и рёбер. У любого способа лечения есть свои осложнения. Есть такие осложнения и у лучевой терапии. Первая пациентка перенесла рак молочной железы с обеих сторон с разницей в несколько лет, лечилась по поводу метастаза в позвонок – тоже лучевой терапией. И вот образовался вначале небольшой свищик – ранка, из которой временами сочился гной, а временами она, казалось, зажила. Потом опять воспалилась, опять открывалась, из неё стали отходить мелкие косточки. Небольшие операции по удалению нежизнеспособной кости приводили к временному эффекту. Затем рана стала побольше и требовала уже постоянных перевязок. Процесс тянулся вяло месяцами и годами. Я несколько раз выходил с этой пациенткой на консилиум. Но вердикт был однозначен: «Только консервативная терапия. Пациентка пожилая, предлагаемая операция сложная. Риск большой. Вы можете её оставить на столе». В переводе с профессионального это означало, что есть опасность того, что человек умрёт на операции, без которой проживёт столько, сколько получится. И вот во время одной из её госпитализаций я готовился делать очередную маленькую операцию. Но до операции дело не дошло. Я и сейчас помню взгляд её круглых серых глаз, спокойный такой взгляд. И вопрос, когда встретил её вечером, накануне операции, в коридоре: «Доктор. Это ВСЁ?» Она показала пелёнку, пропитавшуюся жидкостью из раны. Процесс добрался до сердечной сумки, и через рану вытекла жидкость из перикарда.

Самое сложное в онкологии, на мой взгляд, – это знания. Знания, которые раньше были доступны особенным людям: волхвам, прорицателям, гадалкам... Они дадены тебе всего лишь твоим образованием. И ты оказываешься не готов. Совсем не готов врать, глядя в глаза обречённому человеку. А надо!..

Да, это было начало конца. Я, отведя взгляд, что-то лепетал скороговоркой... Женщина умерла.

Вторая пациентка была моложе. Остеомиелит более распространённый, но не такой по продолжительности. Удалена правая грудь по поводу опухоли. При свищеграфии, когда контрастное вещество вводится в свищевое отверстие и затем делается рентгеновский снимок, выявлено обширное поражение мягких тканей, костей и хрящей грудины и рёбер. На этот раз я на консилиум пошёл, заручившись поддержкой заведующего торакальным отделением. Докладывал эмоционально, в качестве примера приводил первый случай. Одобрение на оперативное лечение таки было получено. Стали продумывать детали операции, которую никогда до этого не делали. Нужно удалить практически всю поражённую грудину, часть хрящевых отделов рёбер с одной стороны и фрагмент пятого ребра, вдоль него имеется затёк, видимый на свищеграфии. Потом всё это нужно закрыть с обязательным послойным восстановлением тканей. Для восстановления каркасности грудной стенки я решил использовать то, что было под руками – сосудистые протезы, они эластичные и прочные. Один бифуркационный и два линейных. Это инородные тела и находиться они должны в собственных тканях организма. Снизу мы решили от лёгкого и сердца отграничиться сальником, который протянем через отверстие в диафрагме из брюшной полости, для этого сделаем ещё лапаротомию. А сверху сосудистые протезы закроем большой грудной мышцей, повернув её на рану, как книжный лист, с левой стороны. Мышцу же сверху закроем расщеплённой кожей, взятой с бедра.

Женщине всё подробно объяснили. Она понимала, что операция рискованная, но без неё конец один. Согласилась.

На операции работали быстро и чётко, по продуманному. Заведующий убрал поражённые ткани, от пятого ребра удалилось больше, чем планировали. Дефект получился внушительный. Дно его – дышащее лёгкое и работающее сердце. Самим страшно! Ну, а кто, если не мы? Заходим в живот, мобилизуем сальник от большой кривизны желудка. Провожу его через грудинно-рёберный треугольник диафрагмы на грудную клетку. Боялся, что длины не хватит на весь дефект. Хватило. Креплю сосудистые протезы к концам рёбер поперёк дефекта. Грудная клетка восстановила каркасность, протезы хорошо работают в такт дыханию. Далее мобилизую молочную железу от большой грудной мышцы. Из отдельного доступа добираюсь до крепления мышцы к плечевой кости, отсекаю и перевязываю сосудистый пучок. Затем опрокидываю мышцу на дефект, оставляя ей питание из межрёберных сосудов. Протезы закрыты сверху надёжно. А дальше просто оказалось. Молочная железа, приобретя подвижность, сдвинулась на мышцу и кожа не понадобилась, бедро осталось целым.

Вскоре женщина выписалась. И надолго исчезла. Повторно я её увидел лет через восемь. У неё всё хорошо. А таких операций мне делать больше не приходилось.

Лыжный сезон открыт

Лыжный сезон открыт. Стартуем втроем, с сыном и племянником. Знакомый адреналиновый азарт на старте... Рванул и сразу оторвался от молодёжи, но через километр адреналин закончился, лыжня пошла в гору и стало понятно, что с мазью удержания немного не угадал. При шаге ещё держит, а при беге лыжи проскальзывают. Сбавил темп, огляделся вокруг. Тишина, красота, снежок... Вдалеке слышен стук дятла. Людей на лыжне не так много, как машин на стоянке. Обгоняющих «коньком» вообще единицы. Много скучающих с детьми. Ребёнок идёт, как может, а рядом папа в гаджете... Есть и жизнерадостные компании, в основном девчата почему-то. «Нижнюю лыжку поперёк горы ставь!» – это я уже кричу отставшему от всех и упавшему на лыжне мальчишке.

Приходит второе дыхание. Лечу с горки, проскакиваю поворот на три километра. И тут мне сердце говорит: «Эй, хозяин! Куда гонишь? Я не успеваю». – «Откуда? Никогда же никаких проблем с тобой не было. На травлю эту так среагировало, что ли? Подсело?» Молчит. Договорились мы с ним. На пять километров я не пошёл, свернул под флажки на четыре. Больше о себе оно не напоминало.

На лыжне попались сосновые шишки, разбросанные на свежем снегу. Поднял голову. Нашёл шишку в расщелине дерева. Это «кузня» дятла, он сюда шишки приносит, в расщелину вставляет и семечки из неё выковыривает. А отработанные вниз выкидывает, прямо на лыжню. Ещё по пути в укромных местах несколько раз встречал пятна жёлтого снега с проталинами до земли. Вспомнился анекдот: «Я не расист, но белый снег люблю больше, чем жёлтый или чёрный». Финишировал на камеру какому-то лыжнику.

НОВЫЙ ГОД

Тот Новый год приходился на субботу. Мы готовились к обычному спокойному дежурству. Бурная дежурная пятница в областной больнице отшумела. Усиленная бригада хирургов всех специальностей и анестезиологов, передав нам смену, разошлась по домам отдыхать и готовиться к празднику. Осталась обычная, из одного ответственного и двух помощников-хирургов, бригада. Я в помощниках, как самый зелёный. Мои коллеги старше меня и опытнее. Один из них, балагуристый и общительный, владеет ещё и эндоскопией. Ответственный – хирург рукастый, но угрюмый. Если рот открыл, значит, или поворчать, или поруководить. Делим девятиэтажную больницу на троих. Старший пошёл по реанимациям. Второй занялся эндоскопией и приёмным покоем. Мне достались плановые отделения. Обхожу их одно за другим, осматриваю пациентов, оставленных под наблюдением. И на столе в ординаторской замечаю одинокий рентгеновский снимок. Больше по привычке, беру его и смотрю на фоне окна. Что-то меня в нём настораживает, ставлю его на негатоскоп (это светящийся экран, используемый для детального анализа рентгеновских снимков). Так и есть! Под диафрагмой полоска воздуха. Интересуюсь у медбрата, чей снимок. «Под утро мужика привезли с непонятной клиникой. Положили под наблюдение. Рентген его только что принесли». Осматриваю пациента, действительно, клиника непонятная, мужик третий день в запое. Но при перкуссии печёночная тупость не определяется (это симптом наличия воздуха в животе и большое подозрение на перфорацию полого органа). Повезли мужика вдвоём с медбратом на каталке в эндоскопию на первый этаж. А санитары? Какие санитары? Нет, не слышали. Днём они ещё бывают, а во время дежурства... После этого вернулся закончить обход.

И понеслось... У этого мужика обнаружилась перфоративная язва желудка. Тут же «созрел» пациент с острым аппендицитом, оставленный наблюдаться. Старший нашёл в реанимации «непроход» – это больной с кишечной непроходимостью. Позже привезли несколько пациентов с ножевыми ранениями, одно из которых с множественным повреждением кишеч-

ника. Образовалась череда непрерывных экстренных операций. Про Новый год напомнил только скудный праздничный стол, увиденный мимоходом в неприкрытую дверь служебной каморки приёмного отделения. Но за ним никого не было... Услышав далёкий звон курантов, я поднял глаза на ответственного хирурга, которому ассистировал на очередной операции: «С Новым годом!» Он тоже посмотрел на меня, что-то буркнул и опять уткнулся в конгломерат спаек в животе больного с кишечной непроходимостью. Смотреть, как он оперирует, – удовольствие эстетическое. Руки порхали легко и непринуждённо, останавливаясь на мгновение именно там, где надо остановиться. Непонятно, как в них менялись инструменты, которые, казалось, сами знали, что им делать. Неуловимым движением вязались узлы, я только успевал нитки срезать. За эти руки их хозяину прощалось многое: и угрюмость, и ворчливость, и жадность до операций (он даже аппендицит в это дежурство оперировал сам), а порой иногда и грубость. Сотрудники больницы часто обращались к нему с просьбой прооперировать родственников или знакомых. После его операций больные быстро выздоравливали, и практически никогда не было осложнений.

Уже ближе к утру в операционную зашёл наш третий коллега, на нём в это время оставалась вся громадная больница. «Сменить?» – спросил он меня. «Достою», – отказался я. «Раньше думай о Родине, а потом о себе...» – фальшиво пропел он. И я вспомнил, что ел сегодня всего один раз. Утром. Дома.

Потом он надел мне на голову громадные наушники. Тут же Боярский мне сообщил, что всё пройдёт: и печаль, и радость, потому что так устроен свет. Но больше сказать ничего не успел, в наушниках зашуршало – это коллега прицеплял к моему поясу дефицитный в то время плеер, говоря, что поставил своё любимое. Через мгновение я уже купался в невозможном очаровании «Беловежской пущи», мелодия подхватила меня, оторвав от земли, заставив забыть и усталость, и голод. По своей пронзительности и невероятной душевности с этим произведением «Песняров» и сейчас-то не каждый хит может сравниться.

Требовательный стук инструментом по крючкам, которые я держал, показывая старшему что-то в глубине живота, вернул меня в реальность. Но всё равно, я уже не стоял на ногах, налитых усталостью. Я парил над операционным столом, пытаюсь читать по жестам и глазам слова старшего. Благо, их было немного: «Держи. Суши. Срезай. Вяжи...» В операционной опять появился хозяин плеера, и наушники так же внезапно исчезли с моей головы, как и появились. Но напоследок «Самоцветы» успели пожелать: «Так будьте счастливы, друзья мои, пусть будут ясными все ваши дни, пусть ваши чувства будут сильными, дела красивыми, сердца достойными любви».

И тут в голове, в пронзительной пустоте после чарующей музыки, стала зарождаться тоска – сейчас, после окончания операции, несколько часов моей жизни пройдут в сплошной писанине. Это записи в историю болезни каждому тяжёлому пациенту во всех хирургических отделениях больницы, оставленному под наблюдением. Списание наркотических препаратов. Заполнение историй болезни на всех экстренных пациентов. Заполнение операционных журналов... От всего этого становилось не по себе. И тут коллега-меломан мне говорит: «Дневники и истории я написал. Наркоту списал. Журналы только заполни».

Вот это был настоящий новогодний подарок!

О НАБОЛЕВШЕМ

Я о наболевшем. О бумагах... Вернее, об их неоправданном изобилии в любой профессии. Особенно у педагогов и медиков. В частности, у медиков.

Обилие бумажной работы отвлекает медика от самого главного, от нас с вами. Около семидесяти процентов рабочего времени врач-терапевт тратит на заполнение различной документации. Это ли не одна из причин нехватки персонала, очередей в поликлиниках и усталости медиков. На бумажного монстра покушались не единожды, пытаясь атаковать его многочисленными компьютерными «улучшениями». Которые привели к тому, что монстр только больше разросся. Теперь к бумажной писанине присоединилась ещё и электронная. А часов в сутках по-прежнему двадцать четыре. И человек слаб, он не может работать всё это время, он ещё хочет хотя бы чего-то поесть и немного поспать. Поэтому страдает качество. Нет-нет, не заполнения бумаг. За этим строго следит поэтапная система контроля, много людей в этом участвует. От бумаг зависит многое: отчётность, финансирование, определение эффективности работы и прочее, и прочее.

Так, может, сейчас, в это очень непростое время, испытывающее на прочность и общество, и медицину, и нас с вами, найдётся смелый человек, смелый чиновник, который возьмёт на себя ответственность и уберёт лишнюю, никчёмную бумажную работу, сведёт её к необходимому минимуму. Только для этого крупный чиновник (именно крупный, другому это не под силу) должен спуститься до самого низа, до первичного звена, до кабинета терапевта поликлиники и отсортировать нужное от ненужного. Это не просто, поскольку за каждой бумажкой следует её обоснование – распоряжение, приказ какой-нибудь медицинской инстанции. И только личная компетенция, только сильная воля способна остановить этот бумажный вал бесполезной работы! А ещё желание, желание помочь всей медицине, медицинским специалистам и,

в итоге, нам с вами. Если такой человек появится и выполнит своё предназначение, то его имя будет передаваться от врача к врачу веками и сохранится в почтении и уважении для потомков.

Наивно? Может быть. Но я не вижу какого-то другого выхода. Количество бумаг прибывает с каждой проверкой. Новая бумага не отменяет старую. Требуется заполнение и той, и другой. Каждая инициатива наверху заканчивается дополнительной бумажкой внизу. Медики с большим недоверием относятся к любой попытке «улучшения» их работы. В стационаре на заполнение одной истории болезни уходит уже до полутора часов в среднем.

Чего мы ждём? Того, что бумажная работа заполнит всё рабочее время специалиста? Будь то педагог, медик или представитель другой профессии. Тогда настоящая работа остановится, на неё просто не останется времени. Бумага задушит дело?

ПО ЯГОДУ

Непонятно... На центральной станции города никто в электричку не сел. Я, как и условлено, еду утром в субботу с окраины города, из Иркутска-Сортировочного, во втором вагоне с конца, занял место для всей компании. Вчера многие собирались за ягодой, и хирурги, и анестезиологи... Она добрая нынче, по слухам. Электричка доезжает до Академической, и в вагоне появляется Ваня Мишин, анестезиолог. Вот и хорошо, поездка не сорвалась. А так, хоть из вагона выходи.

Иван – жуткий любитель подлёдного лова. Он обычно весной берёт отпуск и исчезает на несколько дней. Возвращается с Байкала отдохнувший, с загорелыми лицом и руками. Как-то его квартиру обокрали. Мы, сочувствующие, спрашиваем: «Что утащили-то?» – «Вы представляете, эти сволочи все мои приманки спёрли! Леску. Леску новую, импортную, две катушки недавно только купил. Сапоги резиновые с утеплением...» – «Погоди, Ваня, это всё?» – «Да нет. Ещё золото и шубу у жены...»

Едем мы с ним вдвоём, подвинулись, естественно. На свободное место сел парень с собакой на поводке. Разговорились. Он из Ангарска, часто с отцом охотится. Сейчас разведать ягоду собрался, да и лайку прогуляться взял.

Обычно мы много лет уже ездим в одно место. Большой компанией на вечерней электричке в пятницу. Там сразу от железной дороги резкий и долгий подъём. Некоторые до пояса раздеваются ещё внизу. Потом долго идём по лесовозной дороге, которая вся в лужах и рытвинах. С неё сворачиваем на тропу и топаем до места. Таборимся, ночуем. Потом всю субботу и половину воскресенья собираем бруснику. Кто совками, кто руками. Всем хватает. С пустыми горбовиками (это такая полукруглая ёмкость с ремнями для ношения на спине

и маленьким лючком сверху, изготавливается или из фанеры, или из нержавеющей стали) никто не уходил.

Вспоминаем случай из одного такого похода, когда было пасмурно и стемнело рано. Отворот с дороги на тропу мы пропустили. И решили заночевать, чтобы в потёмках не плутать и завтра рано посветлу встать на тропу. Проблемы только с водой. Один из нас берёт ведро: «Я знаю где». И уходит в темноту. Мы разводим костёр, натягиваем крышей полиэтилен, застилаем место под ним еловым стлаником, готовим таганок, на который подвешиваем принесённую воду. Раскладываем закуску, разводим спирт, вода для этого с собой во фляжках. Ужинаем, пьём чай, молоком сгущённым забелённый. Ложимся спать. Утром лёгкий сушняк. А ведро с остывшим чаем – вот оно, треть чая в нём ещё осталась. Я пытаюсь зачерпнуть его, но кружка неожиданно упирается во что-то твёрдое. Начинаю разбираться. Глина! Треть ведра – глина! «Ты где воду брал?» – вопрос ко вчерашнему водоносу. «Что вы от меня хотите? В темноте, без фонаря. Где блестело, там и брал». Та-а-ак... Похоже, мы чая из лужи на дороге напились. Хорошо, что вскипятили.

Но в этом году на обычном месте ягоды нет. Мороз случился, когда она цвела. Поэтому планы были на другое место. Но ни я, ни Иван там ещё не были. Парень с собакой вызвался быть проводником. Решено – едем четвером: Иван, я, парень, собака.

До места добрались быстро. Тропа хорошая, подъёмы небольшие. Лайка бежит то справа от тропы, то слева. Напрасно не тьякает. У паренька радиоприёмник маленький на плече возле уха. Я про себя ворчу: «Зачем в лесу эти звуки цивилизации? Птичек слушай, шум деревьев, шуршание листьев под ногами...» Затаборились, место подготовленное было – и каркас шалаша, и костровище с запасом дров, ручей недалеко. Попили чай и решили время не терять, до вечера ещё долго. Проводник пошёл в соседний распадок. Мы с Иваном на равнину за ягодой. С собой взяли только горбовики. Они у нас старые, фанерные. У меня ещё отцовский. Поэтому для герметичности, чтобы сок не капал, в каждом вкладыш – большой мешок из полиэтилена. Ягода рясная, но полянками. Увлеклись мы ею. Ягодников почему-то больше нет, мы одни. И как-то рано затемнело и похолодало. Из-за горы тёмная туча ползёт. Пора на табор. Не мною замечено, что самая лучшая ягода (да и грибы) на выходе. Как такую пропустить? Дунул резкий ветер. Головы подняли, а все распадки в сумерках одинаковые. Да вот же наш. Из него ручей течёт. Поднимаемся по ручью, мелкий дождь пошёл. Проходим уже достаточное расстояние, а табора всё нет. Понимаем, что распадок не тот. Заблудились, как не стыдно это признать. Иван предлагает перевалить через гору в соседний распадок. «Нет, – говорю, – в темноте можно больше заблудиться. Ночуем». Попался недоделанный старый сруб зимовья, венца в три-четыре. Ветер здесь тише, но дождь усиливается. Раскачали и свалили несколько сухостоин. В середине сруба развели костёр. Хорошо, что всегда выполняю наказ отца: «Хоть на минуту в тайгу пошёл – нож, спички и сухарь с собой». Сухарь уже раньше съеден. А спички, в резиновой перчатке в нагрудном кармане, и нож для добычи сухого материала на розжиг костра в сыром лесу сейчас оченьгодились. Ягоду вывалили на листву, ею и поужинали. Возле стен сруба с двух сторон от костра готовим места для ночлега. Настелили елового лапника. Приподнимаем верхний венец сруба и подсовываем под него край мешка-вкладыша. Получается такая маленькая палаточка, в которуюходишь только до бёдер. Ноги под дождём, но в сапогах. Их можно и согнуть, и к костру протянуть. Дождь разошёлся, ветер листвою шумит, верхушки деревьев клонит. А у нас хорошо. Костёр таёжный из нескольких лесин горит всю ночь, надо только продвигать их иногда, что и делаем по перемене. Под шум дождя даже немного уснуть удалось. К утру дождь кончился. Как только хорошо рассвело, мы позавтракали ягодой, затушили костёр, по пути попили из ручья и вышли на равнину. Свой распадок нашли

сразу. Дошли до табора. Там всё так же, как было вчера. Только к дереву записка от проводника приколата: «По прогнозам может быть снег. Я ушёл. Чего и вам советую». Мы переглянулись: похоже, только два человека ничего не знают о прогнозах. Развели костёр, обсушились. Приготовили и с аппетитом съели суп из картошки и тушёнки. Размышляем: до вечерней электрички много времени, ягода нынче хорошая, вчерашняя осталась на месте ночлега. И возвращаемся на равнину. Отоспались потом в электричке на обратном пути в обнимку с полными горбовиками.

ГОРОДА МОЕЙ ЖИЗНИ

Их было много: Стокгольм, Париж, Милан, Рим, Пекин, Киев, Одесса, Сеул, Токио, Рио-де-Жанейро... Все и не упомнишь. Но в них я только бывал короткое время. Жил же в не многих. Но воспоминания о каждом месте, может, и не полные по причине непродолжительности пребывания в них, тем не менее всегда особенные и запоминающиеся.

Рим... Прибыл я туда на день позже нашей делегации. Добрался из аэропорта до гостиницы на такси с суровым мачо и за суровую цену. Никого из своих не нашёл и, рассмотрев внимательно гугл-карту в телефоне, решил ознакомиться с местными достопримечательностями самостоятельно. Пошёл пешком в центр города. Поначалу Рим показался мне таким упорным перезагоравшим отпускником, на спине которого старая, загоревшая, иногда в виде болтающихся лохмотьев кожа соседствует с розовой, новой. Так здания, стены, памятники разных столетий соседствуют с более поздними постройками и довольно неожиданно дополняют друг друга. Возле древней стены может находиться ещё более древняя колонна от уже исчезнувшего здания. Иные фундаменты могут казаться старше на несколько веков стоящих на них относительно современных строений. Но это с первого взгляда. Потом я понял, что Рим – это пожилой денди с хитрым прищуром умных глаз и очень даже не равнодушный к радостям жизни. Мы с ним подружились, и он ко мне благоволил. Например, я носил с собой зонтик, но ни разу им не воспользовался. Куда-то заходил, потом выходил, а дождик уже прошёл, и было свежо и чисто. Подходил к фонтану случайно именно в тот момент, которого сотни людей ждали, потому что он именно сейчас выгодно освещается солнышком. Стоило о чём-то подумать, что-то пожелать, как рядом появлялся человек, который мягко и невзначай помогал исполнить желаемое. Но это всё было потом. А в первые часы своего знакомства с Римом я отправился в центр города. По наитию, потому что вай-фай был только в гостинице, а мобильным интернетом я ещё не обзавёлся. Шёл-шёл... И вижу что-то очень знакомое. Ба!.. Да это Колизей! Только подошёл я к нему с другой стороны. Поглазел, повпечатлялся и прошёл к Рим-

скому Форуму возле Капитолийского холма. Поначалу размер этого холма меня удивил, так, пригорок какой-то. А потом, когда разобрался, что нынешний Рим находится выше метров на пять Древнего Рима, понял, что в те времена это был действительно холм. Как и Шаман-камень у истока Ангары до строительства ГЭС и подъёма воды в Байкале и реке был скалой, а не небольшим валуном. Потихонечку, глаза по сторонам, дошёл я до площади Венеции. Уже темнело. Я решил перекусить и вернуться в гостиницу. Но не тут-то было. Поток туристов схлынул, и кафешки уже закрывались. В одном из них работница пропустила меня по вымытому полу (!) к ближнему столику и принесла какие-то непонятные холодные постряпушки. Голод не тётка – слопал и их. Потом она как-то странно на меня посмотрела и заговорила по-русски. Женщина оказалась из Молдавии, много лет подряд ездит сюда на заработки. Она мне подсказала, как вернуться в гостиницу на автобусе и где купить на него билет (кто бы мог подумать, что это нужно сделать в соседнем баре). Сажу в автобусе рядом с итальянкой и потихоньку у неё спрашиваю, как мне свою остановку не проехать. Она мне объясняет, что вот она выйдет, а потом через три будет моя. Вдруг сзади меня кто-то тросточкой за плечо трогает. Оглядываюсь – бабушка на чисто русском: «Сынок, я тебе подскажу. Я дальше еду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.